

The background of the cover is a dark, moody illustration. On the left, a tree with thin branches and sparse yellow-green leaves stands against a dark sky. Numerous yellow and orange leaves are shown falling through the air, creating a sense of movement. In the foreground, a woman with long, dark hair is depicted. She is wearing a light-colored beret, a brown long-sleeved top, and a dark scarf with yellow polka dots. Her hands are clasped together near her chest, and she has a contemplative expression. The ground is a field of tall, golden-brown grass.

Последнее
ПИСЬМО
ужасящего лета

СВЕТЛАНА РИВЕРА

16+

Светлана Ривера

Последнее письмо уходящего лета

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ривера С.

Последнее письмо уходящего лета / С. Ривера — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-99681-6

"Последнее письмо уходящего лета" это роман о взаимоотношениях матерей и дочерей. Так ли часто мы умеем понять и услышать вовремя своего ребенка? Давно в прошлом Елена сбегает из дома, из-за конфликта с родителями и от того, что мечтала стать актрисой. Через много лет успешная прима театра сама сталкивается с конфликтом со своей дочерью. Кроме того, за порогом квартиры стоят чемоданы ее мужа? и может быть чемоданы всей ее семейной жизни. Все меняет загадочное письмо из прошлого... Роман о пище, подростковом бунте, бабушкиных пирогах и любви.

ISBN 978-5-532-99681-6

© Ривера С., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Светлана Ривера

Последнее письмо уходящего лета

Глава 1

С той поры она знала, что красота – это отверженный мир. Мы можем встретить ее лишь тогда, когда гонители по ошибке забудут о ней. Красота спрятана за кулисой первомайского шествия. Если мы хотим найти ее, мы должны разорвать холст декорации.

Милан Кундера. Невыносимая легкость бытия

Грозовые облака низко стелились, все время угрожая обрушиться на землю мощным потоком дождя. Земля намокла и больше не принимала воду, как будто протестуя против такой погоды.

Алиса в который раз задалась вопросом: зачем она сюда приехала? Этот пригород провинциального городка не был ее родным краем, – здесь жила бабушка, к которой она переехала, когда проблемы в семье перелились через край терпения и грозили потопить ее саму. Мать заиклилась на своих чувствах, обвинениях, бесконечных рыданиях, уже совершенно не заботясь о том, как весь этот поток неконтролируемых эмоций отразится на дочери. Впрочем, когда ее это особо беспокоило?.. Отец был против развода, но и он начал терять терпение и переехал в гостиницу.

Алиса больше не могла жить в этом доме скорби и печали, видеть все время убитую горем мать – неумытую и непричесанную, совершенно потерявшую интерес ко всему, кроме своих страданий, сделавшую из ситуации свой крест, а из себя – великомученицу.

Причина семейной драмы была донельзя тривиальна, но от этого не легче. Разлад произошел, когда мать узнала, что муж ей изменил. Он сделал это по глупости, совершил ошибку, у него никогда не было постоянной любовницы или кого-то в этом роде. На очередной выездной конференции его охмурила одна из сотрудниц, приняв долгую задушевную беседу с ней за флирт, и он как-то очень по-глупому повелся на весь дальнейший спектакль, приведший его в ее номер.

Потом его мучили ужасные муки совести. Он надеялся, что жена никогда не узнает о его минутной слабости, но она узнала, и, как водится, по вполне банальной причине. Та самая сотрудница позвонила ей домой и нагло сообщила: «Вы мешаете нашим отношениям, нашему счастью, мы встретили друг друга и теперь просто без ума. Но вас он боится бросить, поэтому будет лучше, если вы уйдете сами и не будете препятствовать нашему счастью».

Сказать, что Елена была расстроена, – это ничего не сказать. Бывшая актриса местного театра, она и так обладала неистовым темпераментом, и любая ерунда способна была вызвать бурное проявление эмоций. С тех пор как она ушла из театра и полностью посвятила себя семье, дом стал ее новой сценой, а все домашние – зрителями. Но ей не хватало драмы в жизни. Роль, которую ей больше всего нравилось играть в театре, в реальной жизни оказалась невостребованной – она дремала внутри нее, поджидая подходящего случая, который позволил бы развернуть весь талант и выразить всю глубину чувств.

Елена не была равнодушным человеком в жизни. Играя роль, она не подменяла реальные эмоции сценическими страстями – скорее доводила настоящие чувства до апогея, до полного накала, до грани, до остроты лезвия бритвы. И все было бы ничего, если бы она не ставила эти чувства и все возможные их проявления выше самой ситуации, породившей их. Сама жизнь – уникальная, интересная, неоднозначная и сложная – влекла ее только потому, что позволяла выплеснуть эмоции, а что будет там, за сценой, в реальной жизни, подбрасывающей проблемы,

которые как-то нужно решать, – об этом она не думала, полностью сосредоточившись на своей игре.

Знакомые ее часто осуждали и называли эту потребность в демонстрации эмоций показухой и наигранностью. Но она была безвинной жертвой самой себя: уйдя из театра, она на самом деле не уволилась со сцены – и продолжала играть. «Пожертвовав карьерой» ради семьи, она превратила домочадцев в зрителей моноспектакля под названием «Елена в собственном доме», и ее муж и дочь каждое утро молились, чтобы сегодня она проснулась с хорошей ролью в голове.

Алисе приспособиться к таким чудачествам матери было несложно. По складу характера она была очень покладиста, не любила ссор и скандалов, поэтому пыталась подстроиться под любую ситуацию. Она старалась в целом себе не навредить, но и не выказывать своего неприятия, дабы не вызывать конфликтов. Таким образом, она как бы растворялась в окружении, подстраивалась под него, экономя свои чувства. Алису крайне тяжело было вывести из себя, и нелегко было понять, что же она на самом деле чувствует. Стараясь никого не обидеть и быть очень приятной для собеседника, она нередко соглашалась с тем, с чем была на самом деле не согласна, и была бы просто счастлива, если бы разговаривать вообще не пришлось, а можно было только улыбаться. Она и увлечение выбрала очень подходящее – игру на виолончели, в которой полностью растворялась. Когда она играла, ей не нужно было заботиться о том, что о ней подумают, так как никто не обращал внимания на самого музыканта – ее только слушали.

У нее был очень ровный характер, не в пример столь эмоциональной и чуть экзальтированной матери. Казалось, та, будучи беременной и постоянно испытывая резкие перепады настроения, от радости и гармонии до ненависти и полного отчаяния, через пуповину забрала все эмоции своей дочери, обесцветив ее характер.

После рождения дочери эмоции Елены достигли полного накала. Материнский инстинкт и появившиеся вместе с ним новые обязанности на время поменяли вектор поклонения Елены с самой себя на ребенка. Но она столь ярко проявляла свои эмоции в отношении Алисы, так громко восхищалась неуверенным «агу-агу», проклянувшимся зубиком, первыми шагами, с таким упоением рассказывала знакомым, бабушкам и мужу, что с ними происходило в течение дня, что неожиданно все внимание переносила на себя и свои рассказы – вместо того, чтобы позволить своей дочери купаться в нем. И хоть Елена искренне удивлялась и восхищалась малюткой, всеобщий интерес к персоне матери вдохновил ее на последовательное выстраивание нового образа – и она вдруг начала «играть мать». Везде: на детской площадке, в педиатрическом центре, в детских кружках и так далее – она с удовольствием знакомилась с другими мамочками, и начиналось: «О боже, вы еще не знаете моего чуда и что она еще умеет!..»

Алиса росла послушным и беспроблемным ребенком, если такое определение уместно по отношению к детям. Со временем девочка почувствовала, что, какие бы эмоции она ни проявляла, как бы ни выражала радость и удивление или нетерпение и злость – все тонуло в матери, в ее бесчисленных восклицаниях, каждый раз новых, в зависимости от того, на какой эпизод роли она была настроена в этот момент. Алиса как-то постепенно, незаметно для себя решила, что проявлять свои настоящие чувства бесполезно. Все равно мама тут же вскрикнет (испуганно, радостно, восторженно, гневно, умилительно и так далее), по-своему определит настроение дочери, поведает окружающим об этом, и все будут счастливы.

Она помнила это удивленно-вопросительное выражение лица матери, когда сказала, что не хочет идти на новое развивающее занятие, столь популярное в мамочкиных кругах, но совершенно не интересующее саму девочку. Она прочитала в глазах Елены такое разочарование, которое просто невыносимо было вытерпеть, – и согласилась пойти. А потом согласилась на танцы, которые так нравились маме. Потом на кружок прикладного искусства, где рисовали акварелью и маслом, вышивали и занимались прочим рукоделием. И наконец, игра на виолончели – о, это действительно ей очень понравилось!

Конечно, Елена любила свою дочь, уделяла ей и ее развитию очень много времени, но исполнение роли было едва ли не главной ее задачей.

Отец же семейства, Марк, был тихим и спокойным человеком. Его воспитала очень строгая мать, поэтому он навсегда усвоил принцип: женщина в его жизни имеет главенствующую роль, и он беспрекословно должен выполнять все, что она пожелает. Он никогда не вмешивался в домашние дела, вопросы воспитания, полностью отдав бразды правления в своей семье человеку, который и сам-то не понимал, куда править. Он был счастлив, что у него такая красивая, пусть и слишком эмоциональная жена, замечательная дочь, вполне презентабельная работа, позволяющая обеспечивать их жизнь без особых излишеств, но и без нужды в чем-либо.

То, что случилось, совершенно выбило Марка из седла. Вся его понятная и размеренная жизнь вдруг разлетелась на части, и он совершенно не знал, что делать. Он никогда не сталкивался с серьезными проблемами, – самым сильным потрясением для него было узнать, что существует смерть, когда ушел из жизни его отец. Но Марк тогда был еще молод и быстро успокоился, став центром заботы своей матери, продолжив учебу и обычную студенческую жизнь. О том, что нужно делать, столкнувшись с настоящими неприятностями, он никакого понятия не имел и стал просто ждать, надеясь, что все каким-то чудом разрешится само.

Но время шло, а разрешаться ничего не собиралось. Жена тянула из него все соки, обвиняя, уничтожая взглядом и длинными монологами о том, кто он такой и что он сотворил с ее, их жизнью. Терпеть это становилось все тяжелее. Постепенно Марк и сам поверил, что он просто чудовище и недостоин жить рядом с женой и дочерью, что он никогда не сможет искупить своей вины перед ними. Теперь и дочь, его единственная отрада, уехала к бабушке, оставив их один на один решать свою проблему.

Однако решать никому и ничего не приходилось. Елена упивалась своей драмой, находя в ней все большее вдохновение, и уже подключила к спектаклю всех знакомых, которым с упоением рассказывала о том, как он с нею поступил, и тем самым еще больше растравливая свою рану.

Хотя именно в этом Елена и находила утешение. Рассказывая о случившемся, о своих чувствах, она как бы говорила не о себе вовсе, – абстрагируясь и играя роль самой себя, отодвигала реальность и снимала с себя ответственность за разрешение сложившейся ситуации. Как будто из-за кулис должен был неожиданно выйти режиссер и дать новый текст. Тогда все станет понятно, все за нее решится самым правильным образом, а она будет опять на высоте – или великодушно простит мужа, или отвергнет его яростно и окончательно, или бросит все и уедет в другой город... Но сценария нового у нее не было, и ею все больше овладевала какая-то безысходность, эмоции скудели с каждым днем, хотелось забытья и прежней жизни, но, как все вернуть, она уже не представляла.

Дочь уехала. Муж, не выдержав нападков Елены и очередного показательного сбора его чемоданов, в один из таких вечеров все-таки взял приготовленные чемоданы (а не стал спокойно их разбирать) и уехал, оставив записку, что остановится в местной гостинице, и если жена захочет поговорить, то сможет его там найти.

И тут случился раскол, разделивший их жизнь на отрезки «до» и «после»...

Глава 2

Алиса была поражена местом, которое оказалось домом ее бабушки, по сути фамильным домом. Дедушка строил его сам, своими руками, очень-очень долго. Все здесь было продумано до мелочей, в этом уютном семейном гнездышке можно было с удовольствием встретить старость и вырастить внуков. Только теперь в доме жила одна бабушка – Анастасия Егоровна, дедушка, Анатолий Степанович, умер около десяти лет назад, и столько же примерно здесь не появлялась их дочь. Алисе было тогда примерно шесть лет, она толком не запомнила ни бабушку, ни ее дом. С тех пор Елена больше не приезжала, полностью поглощенная своими делами и другими ролями, позабыв, что она еще и дочь.

Печь весело потрескивала на кухне, где бабушка принялась суетливо хлопотать. Было видно, что она немного нервничает: столько лет жила одна, без какой-либо надежды увидеться с внучкой, и вдруг та свалилась к ней, как торт с неба, когда она уже и не ждала.

Наличие печки в таком современно обставленном доме очень удивило Алису. Внутри все как в квартире, но есть еще второй этаж, мансарда, красивая столовая и сад за окном. Алиса была поражена, узнав, что все, что она увидела, проходя с экскурсией по дому, сделано руками деда. Дом был выстроен очень качественно и с любовью, продуманы все мелочи: комфортабельные санузлы на каждом этаже, красивый исправный камин в центре зала, кроме того, застекленная беседка-столовая с прекрасными окнами до самого пола, выходившими в сад. От такой красоты у Алисы захватывало дух, но ее лицо привычно ничего не выражало, поэтому бабушка терялась в догадках, какое впечатление на нее произвели дом и она сама.

Бабушка украдкой приглядывалась к своему «нежданному подарку» – именно так она про себя называла внезапно приехавшую внучку, – осмысливая, как столь уравновешенная и даже немного замкнутая девочка могла быть дочерью ее Елены. Она слишком хорошо помнила вспыльчивый и неугомонный характер дочери. Сколько капель валерьянки было выпито из-за нее, сколько они с отцом нервничали, обсуждая ее нескладную жизнь.

Такая она была непостоянная, ветреная – вечно чем-то увлекалась, меняла кавалеров как перчатки. Причем про перчатки не преувеличение: гардероб Елены в самом деле ломился от разной одежды и безделушек, а ведь они с отцом в то непростое время еле концы с концами сводили. Одежда покупалась то самой Еленой на деньги родителей, которые она выпрашивала всеми мыслимыми и немыслимыми способами и аргументами, то ее дарили ухажеры, то подружки давали займы – гасить долги дочери при этом, конечно, приходилось Анастасии Егоровне с мужем. Потом была первая наколка, первые найденные в карманах дочери сигареты, возвращения под утро с запахом алкоголя изо рта. Потом Елена увлеклась пением в местном кафе, из-за чего бросила педагогический институт. Впрочем, там она все равно училась через пень колоду, частенько прогуливала, за что постоянно находилась под угрозой отчисления, и давно бы уж была исключена, если б не лучшая подружка – дочь декана.

Сколько скандалов было ими пережито, сколько ее уходов из дома, когда они с мужем не находили себе места и обзванивали всех знакомых, у кого она могла остановиться... Но потом дочь как будто изменилась, и ее постоянные метания закончились.

***

В кафе, где Елена в очередной раз выступала с русским романсом, отдыхала небольшая компания. В ней оказался режиссер театра из другого города, которого крайне заинтересовали манера исполнения певицы, яркая и эмоциональная, и глубина ее голоса, хотя вокал и не был идеальным. Первого впечатления оказалось достаточно, чтобы режиссер пригласил Елену на пробы актрис в его новой постановке. Он не мог найти исполнительницу второстепенной роли русской девушки из глубинки – никто, по его представлению, на нее не подходил.

Вакантным место стало недавно – с тех пор, как он отправил беременную от него самого актрису в декрет, пообещав о ней позаботиться. Но о выходе ее на сцену не было и речи.

После проб Игорь Ростиславович вместо второстепенной роли утвердил Елену на главную! Чем вызвал недовольство и ревность в театральной семье, куда привел «подкидыша», как поначалу ее называли из-за молодости и отсутствия какого-либо образования.

Сама девушка приехала в город буквально с билетом в один конец, так как на обратную дорогу просто не было денег. Она попытала удачу (или ухватила ее за хвост?), бросив все и уехав, даже не представляя, что ее ждет, где она будет жить и что будет, если режиссер решил просто посмеяться над ней.

Но главная роль просто вскружила Елене голову, подняв на гребень волны удачи! Отрезвляло ее только то, что ей по-прежнему нечем было заплатить за жилье, а желудок сводило от голода. Первую ночь девушка провела в подсобке театра. Ей было так стыдно, что она боялась даже пошевелиться: не дай бог, какая-нибудь уборщица или сторож догадаются, что в театре кто-то остался ночевать. Так прошло еще семь почти бессонных ночей в подсобке, пока ее не заметила костюмерша. Женщина не имела собственных детей, а потому театр считала домом, а всех актеров – своими чадами. Она по-матерински опекала их, журила и помогала, чем могла. Поэтому, заметив, что новенькая актриса ночует в подсобке, с радостью приютила ее у себя.

В день выступления Елена была на грани нервного срыва. В то же время некоторая бледность лица, худоба и нервозность как результат бессонных ночей в молодости придают изюминку и даже изящество. Вызубрив свою роль наизусть, вжившись в нее, как будто это и есть ее настоящая жизнь, она ходила на грани потери сознания, с замиранием сердца ждала своего часа, но в то же время ликовала, ни на минуту не сомневаясь в себе.

Это была ее победа! Зал был сражен и наградил начинающую актрису шквалом аплодисментов. Она сразу стала примой театра, без сомнений и осторожных авансов. Она стала жить сценой, этой новой для нее жизнью, извлекая из себя все то, чему не находила применения в реальности. Всю свою неугомонную натуру, все эмоции она направила на перевоплощение в другого человека, и ей это понравилось. Она с восторгом отдавала себя людям, чувствовала их волнение вместе со своим, заставляла плакать вместе с собой, ощущала, как ей передаются эмоции публики, усиливая напряжение и заряжая еще большей энергией.

Так началась ее жизнь в театре. Сколько сладостных минут она пережила там! Она ничего не замечала: ни злых языков, твердивших, что она полная бездарность, ни выдавших виды костюмов, ни пыльной старой гримерки – все, что могло бы смутить, вызывало у нее восхищение и восторг! Она наконец нашла себя, свое предназначение, и ее метания закончились. Ее очень хорошо принимала публика, вызывала на бис и громко аплодировала, и это было лучшим подтверждением того, что она наконец на своем месте. Ей девятнадцать лет, она молода, красива и талантлива!

Конечно, чтобы стать достойной служительницей Мельпомены, ей пришлось очень серьезно потрудиться – поступить в театральный институт и получить соответствующее образование. Но талант помогал ей во всем.

На протяжении нескольких лет она наслаждалась, нет, упивалась игрой в театре! Какая бы роль ей ни досталась, за любую она бралась с восторгом и играла всей душой. У нее и раньше не было отбоя от кавалеров, но теперь их стало еще больше, и их круг значительно поменялся: бизнесмены, чиновники, военные, занимавшие завидное положение в обществе. Зачастую они приходили в театр с женами, со скукой и тоской в сердце, а уходили с надеждой, что она станет их любовницей. Она умела зажигать сердца – красивая, обаятельная, эмоциональная, томная, немного дикая, такая разная...

Но ближе к тридцати годам она начала задумываться: все эти поклонники, их ухаживания и бесчисленные подарки, слова о трепетных чувствах и вечной любви – все как смена картонных декораций, не дающая ей ничего настоящего, а лишь опустошающая душу. Ведь

никто, никто не предложил ей руки и сердца, не захотел создать с ней семью. Она была лишь легким экзотическим развлечением, и разводиться ради нее никто не собирался. Нет, ей это все надоело, она готова сменить амплуа. Из нее получится замечательная жена и мать.

***

На ловца и зверь бежит. Встреча с будущим мужем произошла в гостях, на дне рождения подруги, чьим братом оказался Марк. Очень серьезный и внимательный, воспитанный, по-настоящему участливый – такой непохожий на всех тех, с кем она до этого общалась, на весь ее привычный круг знакомых, друзей и ухажеров. Рядом с ним она чувствовала себя любимой, и сердце замирало от предвкушения счастья.

Он каждый день встречал ее после театра, но не с букетом цветов, как обычные ее поклонники, а с простыми, земными и милыми вещами. В первый раз пришел с пакетом еды, так как она однажды случайно обронила, что не любит готовить и дома у нее, кроме замороженных пельменей, ничего нет. Носил ей витамины и горячий чай, когда она немного простудилась, но вынуждена была ходить на репетиции новой пьесы. Починил ее любимые наручные часы, у которых сломался браслет. Они ходили в кино, в кафе, просто гуляли – и упивались друг другом. Он, такой простой, земной и заботливый, покорила Елену.

Он не мог прожить без нее и дня. Богемная, возвышенная, красивая, царственная Елена завоевала его сердце, оккупировав все уголки вплоть до самого дальнего. Своей манерой общаться властно, с превосходством, она чем-то напоминала ему мать, но была на несколько тоналностей мягче, женственнее и в то же время импульсивнее.

Мать Марка – авторитарная, властная и безапелляционная особа – имела на четверть еврейские корни и унаследовала от своей бабушки курчавые черные волосы и нос с небольшой горбинкой на красивом, с выразительными чертами лице. Марк был ее единственным сыном, она много сил и средств вложила в его образование, вырастив уважаемого, интеллигентного и воспитанного человека, но совершенно безвольного, не готового к встрече с непредсказуемой судьбой и иногда бесчестными людьми.

«Какой ты наивный», – любила говорить Марку его двоюродная сестра Ольга, у которой они с Еленой и познакомились. Общаться с сестрой он любил, только ей доверял и мог поделиться случившимися в его жизни неприятностями, – например, когда его кто-то подставлял на работе, а он, будучи бесхитростным человеком и «простофилей», как говорила Ольга, мог сам себя подставить не задумываясь.

К счастью или несчастью, серьезные потрясения, которые могли бы его закалить или, наоборот, сломать, обходили Марка стороной. Он жил понятно и предсказуемо, пользовался уважением на работе и, хоть и делил одну жилплощадь с матерью, благодаря широте своих интересов не сидел постоянно под ее крылышком. О том, чтобы сын съехал, мать и слышать не желала: в трехкомнатной сталинке после смерти мужа, с которой прошло уже более десяти лет, ей было бы одиноко. О размене, конечно, тоже речи не шло.

Свекровь невзлюбила будущую невестку, но уговорить Марка порвать с ней на этот раз не получилось – он оказался на редкость тверд в своем решении жениться на «актрисульке», как с пренебрежением, граничащим с отвращением, называла она Елену. Мать Марка наотрез отказалась приходить на пьесы с участием Елены под предлогом того, что она слишком любит высокое искусство, чтобы портить свой вкус буфетными антрепризами. На самом деле за брезгливым равнодушием, скорее всего, скрывалась боязнь признать, что Елена вовсе не так уж плоха.

Они быстро поженились. На свадьбу пригласили не многих, так как все деньги решили потратить на покупку и обустройство собственного уютного гнездышка. К тому моменту Марк уже накопил достаточно средств, поэтому молодые смогли позволить себе просторную квартиру в центре города, намереваясь иметь большую семью.

Елена тут же позабыла о театре. Сначала подготовка к свадьбе, затем выбор мебели и штор для их собственного жилья. Новая роль жены и хозяйки дома полностью ее увлекла и в то же время сделала просто счастливой женщиной. На какое-то время...

Счастье немного померкло, когда Марк, ее милый, внимательный и заботливый муж, тоже стал требовать от нее внимания и заботы в виде налаживания совместного быта, уборки, готовки и исполнения прочих скучных обязанностей.

Елена до встречи с Марком жила в съемной квартире и была далека от решения бытовых вопросов. Она договорилась с хозяйкой, и та приходила убирать комнаты раз в неделю. А самой готовить еду Елене даже в голову не приходило – она свято верила в то, что стоять у плиты не ее предназначение. Зачем впустую тратить время, когда гораздо приятнее и интереснее стоять томно на балконе с сигаретой в руке и смаковать неожиданно пришедшую на ум сентенцию о смысле жизни, ну, или размышлять о новой роли, представляя, как хороша она будет в ней.

Она так мечтала быть женой, хозяйкой дома, мамой. Ее представления о своем новом амплуа были возвышенны и прекрасны, но настолько оторваны от жизни... Елена понятия не имела, что такое реальные отношения в семье – со взаимными обязанностями, заботой друг о друге, доверием, принятием недостатков и несовершенств партнера. У нее никогда такого не было – только накал страстей и вспыхнувшая на короткое время любовь. Ее чувства не успевали перерасти в нечто большее, пройти все стадии, когда люди вдруг остывают друг к другу и начинают замечать все недостатки, предъявлять претензии и когда, преодолев все испытания, получают в награду настоящую любовь. Елена представляла семейную жизнь не такой, какой она оказалась на самом деле: с грязными носками и борщом, недовольством ее задержками на работе, невозможностью найти общий язык со свекровью. Все семейные встречи превращались в военные баталии между свекровью и невесткой или заканчивались красноречивым молчанием, которое для бедного чуткого Марка было тяжелее похорон.

В конечном счете семейные встречи стали редкими, Марк предпочитал заезжать к маме один – на чаепитие или когда нужно было что-то починить. А количество неисправностей в квартире матери все росло, и даже Марк стал догадываться, почему так часто начали перегорать лампочки и ломаться стиральная машина. Но он был готов на все ради хрупкого мира в семье.

Тем не менее Елена была полна решимости создать настоящую семью, пусть с готовкой борщей и стиркой носков. Поэтому она принялась изучать кулинарию и всякие секреты успешных домохозяек, почитывая между сценариями скучные журналы по домоводству. К сожалению, на практике получалось не все. Марк с трудом проглатывал очередное кулинарное творение жены, рассчитывая на крепость своего желудка, и выкидывал в мусорное ведро испорченные футболки, термонаклейки на которых были размазаны из-за глаженья горячим утюгом. И почему в журналах не написали, что гладить такие вещи можно разве что через марлю или с изнаночной стороны?

А затем у них появилась доченька. Так как Елена совсем не успевала справляться с домашними делами, о театре пришлось на время забыть. Потом она приняла осознанное решение и совсем ушла со сцены, уговорив себя и поверив в то, что основное ее предназначение и смысл жизни – это муж Марк и дочь Алиса, даже если они сами ее об этом не просили...

***

Алиса смотрела в окно из комнаты, которую ей определила бабушка. Тяжелые облака низко и угрюмо ползли по небу, не оставляя никакой надежды на просвет. Снова забарабанил дождь по жестяному подоконнику и по пустым ведрам, стоявшим под окнами, – бабушка что-то собиралась делать в саду, но с приездом внучки обо всем забыла.

Анастасии Егоровне казалось, что в дом вдохнули новую жизнь и комната, так долго пустовавшая, будто ожила. Словно восприняв теплоту ее мыслей, дождь за окном на время

прекратился, и комнату осветили неожиданные лучи солнца, легкой надеждой приоткрывшие сердце одинокой бабули.

Но Алисе робкая улыбка нежданного солнышка показалась усмешкой. Девушка думала, что сбежит от проблем в семье, от мамы, от самой себя, но, очутившись в другом городе, почувствовала себя еще более одинокой и всеми покинутой. Неуютная погода за окном гораздо лучше подходила к неуютным мыслям, роившимся в совсем не окрепшем подростковом сознании.

Большим разочарованием для Алисы оказалось то, что у бабушки нет интернета. Она уже неделю здесь жила и успела соскучиться по школьным друзьям, по своим урокам музыки и даже по игре в баскетбол, куда перед самым кризисом в семейных отношениях ее успела записать мама. Баскетбол девушке не понравился: она и без того комплексовала из-за своего высокого роста, унаследованного от матери, – так теперь еще приходилось терпеть насмешки одноклассников, которые называли их команду каланчами. Но даже баскетбол был куда более веселым и интересным занятием, чем бесцельное лежание на кровати под стук отсчитывающего течение времени дождя.

Алиса слышала, как бабушка несколько раз подходила к ее двери, прислушиваясь, пытаясь понять, все ли в порядке, но она каждый раз делала вид, что спит. Анастасия Егоровна ей очень понравилась, а нежность и забота, которыми она окутала внучку с первых минут ее пребывания в этом доме, даже немного смутили. Ведь они почти чужие друг другу люди: ни общих воспоминаний, ни совместного времяпрепровождения, смешных историй или трогательных праздников – ничего, что бы их сближало и делало родными не только по крови.

Алиса совершенно не представляла, о чем говорить с бабушкой. О чем вообще говорят с бабушками? Они виделась пару раз в глубоком детстве, о чем остались очень смутные воспоминания. А со второй своей бабушкой Алиса встречалась традиционно раз в год – на свой день рождения за праздничным столом, где к имениннице относились только тосты, а все остальное время приходилось наблюдать за пикировкой между мамой и бабушкой. Папа, как всегда, выступал в роли миротворца, и застолье обычно заканчивалось какой-нибудь настольной игрой, которую любили и бабушка и мама, в то время как сама Алиса, давно покинув гостей, сидела у себя в комнате.

Алиса написала всем подругам СМС, сообщив, что на время летних каникул ее отправили к бабушке и пока у нее нет интернета, а также что здесь тоска и нечем заняться.

Она пересмотрела весь альбом своих фотографий и видео на телефоне, перечитала старые СМС, заметки и даты, но без выхода в интернет телефон был плохим развлечением. Наконец пришла эсмэска от одной подруги, – никогда бы дома она так не обрадовалась новому сообщению! В ней было написано, что скоро они пойдут в кино на очередную сагу о вампирах и что их пригласили «те мальчишки из 10 б». Познакомились они с ними на баскетболе, и один очень даже понравился Алисе, хоть девчонкам она в этом и не призналась. Еще подруга сообщила, что группу по баскетболу пока распустили на лето и что «вообще тут ловить нечего», так что пусть Алиса не волнуется.

Но Алиса понимала, что дома ловить-то как раз есть что – девчонки шли в кино с мальчишками из 10 б, и это было самое обидное. Такой шанс был познакомиться с тем черноволосым мальчиком, самым высоким и красивым из всей школы на ее взгляд. Алиса закончила восьмой класс и, как все ее ровесницы, втайне мечтала о любви старшеклассника. Теперь ей казалось, что все интересное проходит мимо, – уехав, она пропустила удобный момент, и даже если по возвращении и сможет познакомиться с ним, это будет уже не то и не так, и вообще будет уже поздно... Ей хотелось грызть подушку.

Кино... Кстати, телевизор у бабушки не работал. Вернее, сам агрегат был исправен, но все каналы «снежили», и можно было лишь слушать звук, не видя картинок, причем только на самых скучных и неинтересных каналах. Бабушка объяснила как-то за завтраком, что уже

совсем перестала смотреть телевизор – ей хватает радио и соседок по дому, слушать которых интереснее, чем следить за развитием событий в любом сериале. А еще есть собственная память, которая способна унести ее далеко-далеко от повседневных хлопот. Алиса ничего не ответила, только повела плечами, и бабушке снова пришлось гадать, о чем думает внучка.

– Алиса, – позвала бабушка и повторила чуть громче: – Алиса-а-а.

Но та не отозвалась.

Поднявшись в третий раз по скрипучей лестнице и слегка приоткрыв дверь Алисиной комнаты, она опять застала ее в кровати, на этот раз с наушниками. Анастасия Егоровна решила все-таки привлечь внимание внучки, ведь пора ужинать, а значит, спускаться в столовую. Но в этот раз Алиса по-настоящему спала. Анастасия Егоровна осторожно вытащила наушники и на минуту замерла. Ей не верилось: из наушников лилась не какая-нибудь новомодная мелодия, а самая настоящая классика.

– Бедная девочка, – еле слышно прошептала бабушка.

В ее сознании никак не укладывалось, как у Елены, взбалмошной и неугомонной, могла быть такая правильная и уравновешенная дочка, слушающая классическую музыку.

Анастасия Егоровна пошла готовить чай. Ее отвлек телефон, трели которого нечасто раздавались в этих стенах.

– Аллю, – немного задышавшись из-за быстрого спуска с лестницы, ответила она. – А-а-а-а, дочка... Да что ж, конечно... Да... Ну, немного...

Привыкшая постоянно говорить Елена совершенно забыла, что звонит узнать, как ее дочь, и, по обыкновению, превратила диалог в монолог.

Елена говорила о ничего не значащих вещах. Спросила совета, как ей ухаживать за фиалками, которые она наконец-то посадила под окнами квартиры, – на памяти домашних, она собиралась это сделать последние пять лет. Рассказала, какая жаркая у них погода установилась, очень много насекомых, и поэтому она не любит выходить из дому по вечерам. Увлечшись ничем не значащей болтовней, Елена вдруг осеклась. Ее взгляд остановился на фотографии дочери, и она вдруг почувствовала, как сильно ей не хватает Алисы.

Все последние годы график Елены строился согласно ее представлениям об идеальной матери. На самом деле до идеала ей было далеко, но ничто не мешало ей выдавать желаемое за действительное. Сейчас, оставшись без мужа и дочери, наедине со своими мыслями и с самой собой, она вдруг почувствовала себя ненужной, так же как актер без зрителя. Но только это чувство было не игрой, и зрители ей были необходимы уже не для сцены, а для чего – она и сама еще не понимала. Как будто она только начала узнавать себя, проснувшись ото сна, училась осознавать свои истинные мотивы и определять цели, к которым хочет стремиться.

Анастасия Егоровна, воспользовавшись заминкой в разговоре, решила спросить:

– Лена, скажи, что все-таки происходит у вас там? Почему-то девочка сама не своя. Хочешь ты или нет, но тебе придется ответить, – я переживаю за внучку! Она... она почти совсем не говорит, а только слушает, сидит у себя в комнате, – в общем, я вижу, что она расстроена, но не знаю, как ей помочь. Ты должна сказать! – Последнюю фразу Анастасия Егоровна произнесла неожиданно даже для себя самой резко.

Она давно уже не говорила по душам с дочерью и вообще не общалась с ней. Иногда они даже не созванивались – поздравляли друг друга с праздниками при помощи открыток. Но сейчас у нее есть внучка, и она чувствует, что обязана вмешаться.

– Мама, не смей вступать в наши дела! Тебя никогда особо не волновало, как я живу. Ты никогда меня не поддерживала, а только осуждала, а сейчас думаешь, что одним словом все решишь! Алиса приехала не к тебе – она просто решила отдохнуть, сменить на время обстановку, и к тебе это никак не относится. Не думай, что будешь опять диктовать, как мне жить, говорить, как я плохо себя веду и что я кругом виновата!

Елена и сама не ожидала от себя такой тирады. Накопившееся между ней и матерью отчуждение вдруг прорвало, как плотину, – словно и не было этих лет затишья, – и хлынули потоки слов, от которых ей самой стало больно. Как будто с нее снимали какой-то слой личности, который уже прижился, несмотря на его чужеродность.

Настоящие слезы брызнули из глаз Елены, и она бросила трубку.

Анастасия Егоровна отшатнулась от телефона, как от удара рукой, доставшей ее из прошлого. Запертые в голове мысли и воспоминания захлестнули ее. Так она и стояла с трубкой в руке, прикрывая другою рот, из которого так некстати вырывались рыдания. Как же ей не хватает Анатолия! Чтобы все обсудить, рассказать, поделиться болью!

***

Как приятно с утра просыпаться под пение птиц, когда лучик солнца, играя с занавеской, ненароком попадает на лицо, заставляя сначала немного сощуриться, а затем все же открыть глаза.

– Ох, как же не хватало солнышка, – прожурчала Алиса, потягиваясь. – А тут, может, не совсем уж и плохо?..

Нашупав под кроватью тапочки, она медленно поплелась в ванную, еще не совсем проснувшись, но чувствуя себя уже гораздо бодрее, чем когда только приехала.

«Какой сегодня день? – задалась вопросом Алиса, под журчание воды в умывальнике заправляя щетку зубной пастой. – Совсем теряешься в этой глуши без школы, без обычных занятий и подростковых программ по телеку».

Умывшись, она направилась на кухню, попутно поймав себя на мысли, что очень приятно спускаться к завтраку, когда тебя ждут за накрытым столом. Они с папой привыкли готовить себе завтрак самостоятельно и часто на скорую руку, – мама любила с утра поспать подольше, поэтому, жалея и любя ее, домашние с утра собирались сами.

Оказавшись у бабушки, которая с такой любовью и заботой выпекала по утрам просто идеальные оладушки со сметаной и медом, запаривала в печке полезную и вкусную кашу, ставила на стол свежее молоко с булочками, Алиса в это солнечное утро почувствовала себя как в загородном отеле, куда они изредка ездили отдыхать с родителями. Помнится, самым приятным для нее там был именно готовый завтрак! Только в отеле его готовили для всех, а тут – для нее одной. Сама бабушка обычно только пила чай с внучкой за компанию, потому что вставала рано и ко времени пробуждения Алисы успевала не только позавтракать, но и переделать кучу дел по хозяйству.

Анастасия Егоровна была очень рада, что снова может баловать кого-то вкусными завтраками, обедами и ужинами. Для себя одной ей готовить не хотелось, но за эти годы она не растеряла своего кулинарного таланта и сейчас с энтузиазмом изобретала для внучки самые полезные и аппетитные блюда.

***

Это утро было очень солнечным, и Алиса решила помочь бабушке в саду, хотя ничем подобным раньше не занималась. Анастасия Егоровна была удивлена, но возражать не стала: наконец внучка к чему-то проявила интерес.

Одежды соответствующей у Алисы, конечно, не было. Вытряхнув все свои вещи из дорожной сумки на кровать, она со вздохом натянула новые спортивные штаны и модную футболку. В саду Анастасия Егоровна уже приготовила перчатки, две лопаты и прочий инвентарь.

Скептически склонив голову набок, бабушка оглядела внучку с ног до головы и, решительно хмыкнув, позвала ее в дом переодеваться:

– Негоже портить хорошую одежду в саду. Посмотрим, может, что-то подойдет из маминих вещей...

И они впервые поднялись на мансарду. Там скапливались всякие полезные вещи и ненужный хлам: какие-то веревки, тряпки, дырявые ведра. С потолка свисали мешочки, от которых веяло пряным ароматом сушеных трав.

Алиса слегка пригнулась и сощурилась, так как дневной свет на мансарду через единственное окно проникал плохо.

Анастасия Егоровна пробралась к стоявшему в углу платяному шкафу. Чтобы открыть его, пришлось разобрать кучу вещей, преграждавших доступ к дверце.

– Я давно уже здесь не прибиралась, – пробормотала бабушка, разгребая ворох одежды на полках.

Затем она открыла сундук, также оказавшийся плотно забитым какими-то вещами, и начала извлекать на свет подходящую, на ее взгляд, для Алисы одежду.

Алисе это помещение показалось занятным. Окруженная старомодными юбками, блузками и теплыми кофтами, она будто перенеслась в прошлое своей матери. Она почти ничего не знала о нем, так как мама ей никогда ничего не рассказывала, а если и говорила, то только вскользь.

Алиса уже совсем забыла, зачем они с бабушкой сюда поднялись, и с увлечением разглядывала предметы гардероба, которые когда-то принадлежали ее маме. Да, недостатка в одежде она точно не испытывала...

– Это что, все мамино? – с удивлением спросила Алиса.

– Ну конечно, это даже еще не все, – ответила бабушка. Она явно собиравась добавить что-то еще, но резко осеклась. – Ну, впрочем, мы уже достаточно нашли для тебя на первое время, – из дома ты ведь не смогла взять все нужное.

Алиса задумчиво приняла из рук бабушки одежду и спустилась вниз. Ей ужасно хотелось расспросить о маме – что она любила делать, когда была девочкой, с кем дружила, – но интуиция подсказывала, что бабушка совсем не расположена говорить на эту тему.

Алиса быстро переоделась, отметив, что мама в юности была той же комплекции и такого же роста, что и она сейчас.

Бабушка с легким раздражением перебирала что-то в ведре, и Алисе показалось, что именно она причина этой досады. На самом деле Анастасия Егоровна была расстроена утренним разговором с Еленой и пыталась скрыть свое настроение за напускной деловитостью, обстоятельно рассказывая внучке о том, что где растет и как за всем этим надо ухаживать. Неторопливая беседа, а также ясное небо и ласковое солнышко сделали свое дело – от утреннего напряжения, возникшего на мансарде, не осталось и следа.

– Здесь у меня цветут маргаритки, а под самым окном – ночные фиалки. От них такой аромат по вечерам! Жаль, из-за плохой погоды я не открывала окна. Здесь георгины, тут пионы, гладиолусы...

У Алисы смешались в голове все названия цветов, но ей было очень интересно и уютно с бабушкой.

Она показала внучке весь сад – деревце за деревцем, клумбу за клумбой, грядку за грядкой. За домом росли яблони, груши, вишни и даже виноград, у восточной стены – кусты смородины, крыжовника, ежевики и барбариса; на солнечных грядках возле сарая уже наливались соком ягоды клубники, а еще было много зелени и ароматных трав.

Бабушка рассказала, что у них с Анатолием, Алисиным дедушкой, раньше был целый огород. Выращивали картошку, помидоры, огурцы, капусту и другие овощи. Но сейчас она оставила только сад, которым занимается в свое удовольствие. Сначала по привычке она продолжала сажать овощи на грядках. Но куда это все было девать? Почти все, что выращивала, продавала сезонным закупщикам за бесценок. В какой-то момент плюнула на все это дело и занялась тем, что ей больше всего нравится. И вот огород зарос высокой травой.

– Да, косить Толька давно не приходил, – спохватилась Анастасия Егоровна. – Надо его попросить.

Они с удовольствием вместе прореживали растения, убирали сорняки и немного освобождали от травы междурядья.

Солнышко нещадно палило. Занятые работой, они наслаждались природой и пением птиц, думали о чем-то незначительном и упивались состоянием свободы от утреннего напряжения и плохих мыслей. Словно через кончики пальцев сама земля приняла в себя их тревогу и раздражение, освободив душу для позитивного взгляда на этот мир.

– Настасья-а-а-а! Настасья-а-а-а! – услышали они из-за калитки.

Анастасия Егоровна пошла открывать и весело всплеснула руками, увидев подругу Галину, которая нечасто ее навещала в последнее время.

– Что-то у тебя заело калитку! Я так и думала, что ты в саду! – щебетала та.

Анастасия Егоровна приобняла подругу, стараясь не запачкать ее одежду.

– Ой, а я к тебе, наверное, вовремя! Принесла рассаду цветов, у меня осталась – сажать уж некуда, да и не до цветов мне! – продолжала трещать Галина. – Ты же знаешь, у меня целый огород: ртов-то много! Как у тебя дела?

– За цветы спасибо. Мои многолетки меня расстраивают в этом году: совсем из-за дождя и холода не хотят вылезать! Вот посмотри, еще не раскрылось ни одной лилии, да даже пионы не распустились! – И она с удовольствием приняла пакет с рассадой.

Они еще немного постояли в саду, обсуждая столь близкие обеим садово-огородные проблемы. Анастасия Егоровна посмотрела на внучку, заметив, что та, наверное, увлеклась и с непривычки устала:

– Алиса! Алиса, отдохни немного, утомилась уж поди! – крикнула она. – Мы пойдем в дом с Галиной, чай заварим. Присоединяйся!

Галина приложила тыльную сторону ладони к глазам, приглядываясь к девочке, усердно пропалывающей какую-то грядку.

– Пойдем попьем чайку, сто лет тебя уже не видела, – с улыбкой сказала Анастасия Егоровна и направилась к дверям.

С Галиной они дружила очень давно. Вместе, как говорится, съели не один пуд соли, много раз друг друга выручали, но в последнее время общались очень редко. Анастасия, с тех пор как потеряла мужа, стала одинокой, а у Галины, наоборот, семья все росла – ей привозили многочисленных внуков, и она с утра до вечера была занята ими да огородом.

Не то чтобы у Галины совсем не было времени зайти к подруге на чай. Анастасия как-то сама стала избегать общения с ней, видимо почувствовав, что у старых подруг стало мало общих интересов – один огород. У Галины теперь на первом месте были внуки – она могла говорить о них часами, показывать фотографии, вспоминать забавные случаи. Подруга лишь вежливо поддерживала разговор и как будто уходила в себя, уносясь мыслями куда-то далеко. И Галина решила, что ей просто неинтересно.

Теперь она почувствовала легкий укол совести, потому что приняла Алису за работницу, которую подруга пригласила себе в помощь.

– Настась, ну ты чего, в самом деле! Мы ж с тобой как родные, а ты совсем про нас забыла. У меня сорванцы на этот раз все лето будут жить, приедут в любой момент. Их все равно надо занимать чем-то полезным, а то совсем отбились от рук, только компьютер на уме!

– Ты это про что? – веселые морщинки разошлись лучами по лицу Анастасии Егоровны.

– Ну как про что! Ты всегда можешь попросить помочь. Я буду только рада, нам-то не в тягость! Но ты ж поди какая гордая, никогда не попросишь! – Свое легкое чувство неудобства Галина решила переложить на подругу.

– Гордая, не попросишь... Ты в самом деле о чем? – досадливо морщась, проговорила Анастасия Егоровна.

– Ну как же... Уже из службы зовешь работников, как будто рядом с тобой и знакомых нет! – причитала Галина.

На минуту Анастасия Егоровна даже потеряла дар речи, разом утратив веселое расположение духа и чувство радости от встречи с давней подругой. Ей стало обидно, что Алису приняли за соработника. Как будто она, тоже мать и бабушка, не имела права на внуков! На нее враз нахлынула обида за то, что Галина перестала с ней общаться в последнее время, заходила все реже и реже и все время по делам, почти не задерживаясь даже на чай.

– Это моя внучка Алиса. Будет жить пока у меня. Может быть, до осени, а там посмотрим, – отчеканила она почти без эмоций.

– Э-э-э-э-э, – растерялась было Галина, но тут же взяла себя в руки. – Прости, Настась, я ж не знала... Ну как так, ты же никогда не говорила про внучку... Я, честно говоря, и не знала, что у тебя есть внуки.

– Не внуки – внучка. Она одна у меня, Ленина дочка.

– Ну да, ну да. Прости меня, дуру, язык мой – враг мой, все время какую-то ерунду несу! Ну, а сколько ей лет? Как давно она у тебя? – то ли из-за смущения, то ли от любопытства Галина засыпала подругу вопросами.

– Пятнадцать было весной. Почти месяц у меня живет.

– Пятнадцать лет? И она у нас здесь ни разу не была? – еще сильнее недоумевая и тщетно пытаясь скрыть за удивлением негодование, вопрошала Галина.

– Ну, ты же знаешь, Ленка у нас далеко живет, – не стала вдаваться в подробности Настась.

Галина недоверчиво повела плечами, но уточнять не стала. С тех пор как Елена переехала в другой город, Анастасия про дочь ничего не рассказывала. Соседи знали только, что она стала актрисой, вышла замуж, что Настась с мужем были на ее свадьбе, и все.

Теперь как гром среди ясного неба появилась внучка, как будто и не было этих долгих лет. Галина этого не понимала. Своих-то внуков она видела с пеленок, прошла все стадии их взросления и жизни уже не представляла без своих веселых проказников. У нее были очень близкие отношения с дочерьми, которые все ей рассказывали, приезжали очень часто. Сначала внуков привозили ненадолго, а теперь, когда они выросли, стали оставлять на все лето, а еще и на зимние каникулы. Так что жизнь в доме Галины постоянно кипела. Всего у нее было два внука – Егорка и Максимка – и одна внучка, Варенька. Но Галина чувствовала, что скоро снова станет бабушкой: уж больно странно вела себя дочь в последний свой приезд.

Анастасия Егоровна подлила чаю и посмотрела в окно. На лавочке сидела Алиса, радостно подставив лицо солнышку, которое за недолгое время успело озолотить ее веснушками. Она беззаботно болтала ногами, слушая музыку в своем плеере, и выглядела абсолютно нормальным подростком. Только чуткое сердце бабушки подсказывало, что девочка все же несчастлива.

Она так и не решилась спросить, почему Алиса приехала к ней. Боялась не столько узнать, что у них в семье происходит что-то нехорошее, сколько испугнуть неожиданно появившееся счастье видеть в своем доме внучку.

Девочка внешне была мало похожа на свою мать, если не считать высокого роста и стройной фигуры. Елена была жгучей брюнеткой с карими, почти черными глазами, узким лицом и тонким профилем. Она всегда считалась красавицей и, перейдя в зрелый возраст, почти не изменилась – мелкие морщинки ее не портили, делая лицо лишь благороднее, а несколько прядей седых волос она тщательно закрашивала.

Алиса полностью унаследовала отцовские черты: лицо чуть широковатое, с высокими скулами, бледно-зеленые, переходящие к светло-карему оттенку глаза, русые волосы. Теперь как дополнение еще и обилие веснушек. Милое, но слишком серьезное и сосредоточенное лицо, лишённое подростковой непосредственности и наивности.

Бабушка полюбила внучку всем сердцем, как только увидела ее. И теперь, глядя на умиротворение и беззаботность Алисы, залюбовалась ею, и внутри у нее потеплело. Она простила подругу за бестактность, за неудобный вопрос и наконец захотела поговорить с ней по душам.

– Вот, сама вызвалась мне помогать, да чуть не выдергала вместо сорняков пол-огорода моих трудов, – со смехом произнесла она.

– Ой, как я тебя понимаю, – сразу почувствовав, что подруга ее простила, затараторила Галина. – Мои сорванцы в прошлом году так мне пропололи картошку... Я их об этом и не просила, но хотели сделать мне приятно, а вместо этого... Ох, чуть все не повыдергали – хорошо я увидела их из окна!.. Да уж потом оказалось, что они очень хотели в кино, на какой-то новомодный фильм – ну, ты знаешь, там какие-то трансформеры...

– Ага, ага... Ну и? – Анастасия Егоровна про трансформеров не знала, но на этот раз живо включилась в разговор, заинтересовавшись темой.

– Что «ну и»? – уже отвлеклась на что-то другое болтушка Галина.

– В кино-то сходили?

– А, ну да, я же их наказала. Ну, они во дворе, когда играли, чуть мне окно в кладовке не разбили. И вот таким образом хотели меня задобрить и выпросить билеты в кино.

– Ага... А как ты думаешь, Алисе тоже понравится в кино? Ну, в нашем кинотеатре что-то сейчас ведь показывают?.. Что-то молодежное, – несмело проговорила Анастасия Егоровна, осторожно нащупывая тактику поведения с уже повзрослевшей внучкой.

– А-а-а, да, там постоянно что-то показывают! Хочешь, я Егорика с Максимушкой попрошу посмотреть в интернете, что там сейчас идет? Им же в радость – только и ждут повода сесть за компьютер.

– Да, можно, – смущенно улыбнулась Анастасия Егоровна.

– А, ну ладно, я потом тебе позвоню, скажу. Ты телефон-то свой не отключила хоть? – Галина недоверчиво поглядывая на телефонный аппарат.

– Нет, ну что ты. Как же я без него...

– Так теперь же у всех есть мобильные телефоны! Я не представляю, как ты живешь до сих пор без него. Я везде с ним – могу в огороде работать и не пропущу звонка. Бывает, мой Вова звонит спросить, не надо ли чего купить в магазине, и мне не надо бежать с огорода, чтобы взять трубку.

– Да не знаю, не могу я с ним обращаться, – отмахнулась Анастасия Егоровна.

– Я попрошу своих сорванцов, они тебе покажут, – начала было Галина. – Да ведь Алиса может научить теперь!

– Наверное...

И они перешли к обсуждению нового магазина, открывшегося в их пригороде. Раньше за серьезными покупками приходилось ездить в город, и хоть это было недалеко, минут тридцать на автобусе, но одиноким пожилым людям, таким как Анастасия Егоровна, было неудобно возвращаться с продуктами. От автобусной остановки до дома на самой окраине еще дойти надо, а тут еще тяжелые сумки к земле тянут. Теперь сделали большой супермаркет на месте бывшего кафетерия, от которого проку совсем не было, – хорошая новость для всех местных жителей.

***

Ливень обрушился на землю, не жалея никого, кто не успел спрятаться от него.

С утра ничто не предвещало непогоды, Алиса проснулась в хорошем настроении под пение птиц и кукареканье петухов. Сегодняшний день она решила посвятить изучению местности: бабушка сказала, что рядом есть красивое озеро, и Алиса решила его посмотреть.

Озеро Алиса нашла быстро – свернула с основной дороги по тропинке в лес и удивилась, какая красота притаилась за их небольшим поселком – аж дух захватывает! С одной стороны был сосновый бор, который начинался на песчаном пригорке, отливавшем на солнце золотом,

с другой – поля, уходившие далеко за горизонт. В нос бил душистый запах травы, и Алиса, подавшись чувству восторга и свободы, побежала по полю.

Только сейчас Алиса поняла, почему ей так хорошо у бабушки: она ощущала пьянящую свободу. Чуть ли не впервые в жизни она просыпалась, не имея никакого плана на день. Сначала от такой независимости и отсутствия четкого расписания у нее даже день не клеился. С непривычки Алиса не знала, чем себя занять, ведь дома она волей-неволей жила по определенному графику, продуманному мамой.

А здесь, у бабушки, у нее не было никаких обязательных занятий, никакого расписания. Сама бабушка ничем ее не нагружала, не просила помочь и каждый раз искренне удивлялась, когда Алиса сама предлагала помыть посуду или полить грядки. Мобильный интернет у нее отключили (а она никак не могла заставить себя позвонить маме и попросить кинуть денег на телефон), телевизор у бабушки не работал, и постепенно Алиса начала осваиваться в этом новом для нее мире – прислушиваться к новым звукам из поселка, часами смотреть на закат из сада, наблюдать за обычной жизнью вокруг. И при этом никто ничего от нее не требовал, – бабушка только улыбалась, глядя на нее и все больше привыкая к внучке.

Набрав по дороге целую охапку ромашек и колокольчиков, Алиса направилась к озеру. «Бабушка обрадуется», – решила она, вспомнив, что в вазочке на кухне всегда стояли цветы.

Сразу за пригорком, откуда начинался лес, открывался вид на живописное озеро. Среди травы желтела песчаная полоска пляжа, где наверняка купались дети, но сейчас еще никого не было.

Алиса выбрала место в траве, чтобы ее никто не видел, расстелила плед, которые ей дала с собой заботливая бабушка, и легла, зажмурив глаза от солнца.

Воздух был насыщен запахом сосновой смолы. Алиса перевернулась на живот и полюбовалась озером, затем достала мятные леденцы и включила наушники с музыкой, – это было ее единственным развлечением, оставшимся от города.

Незаметно под ритм музыки Алису сморил сон, и она окунулась в мир цветных и беззаботных видений со счастливым концом. Ей снилось, как она купается в море, но кто-то бесцеремонно начал брызгаться водой. Она хотела уже возмутиться, но неожиданно проснулась и, открыв глаза, поняла, что это был сон.

Крупные капли дождя падали ей на лицо, все быстрее стекая по щекам и подбородку. Алиса вскочила и начала быстро собираться. Сандалии сразу стали скользкими, и ноги норовили выскочить из них. Алиса накрылась пледом и прикинула, не переждать ли дождь в лесу. Однако он уже превратился в ливень, и это была не лучшая идея.

Тропинка под ногами сразу стала непонятным месивом; от луж, по которым бежала Алиса, летели брызги; глаза уже ничего не видели из-за дождя, который стоял стеной и неумолимо хлестал по рукам и спине. Букет полевых цветов, который она с любовью собирала для бабушки, превратился в мокрый веник – от досады и потому, что он мешал держать плед над головой, она его выкинула.

К моменту, как Алиса добежала до дома, плед уже не спасал. Вода струйками стекала по ее лицу, рукам и ногам. Бабушка уже выскочила навстречу с курткой, и сама тут же промокла, не успев добежать до ворот.

– Алисонька, ты же вся промокла! Надо было мне раньше за тобой выйти, но я думала, что ты увидела тучи и вернешься домой.

– Ба, а я тебе нарвала красивых цветов, хотела тебя порадовать. Представляешь, пришлось его выкинуть, – всхлипнула Алиса.

На минуту она превратилась в обычного ребенка, не сдерживающего своих эмоций и дающего им выход наружу.

– Ничего, ты же знаешь, сколько у меня цветов в саду, потом другие нарвем, – причитала бабушка, вытирая Алисе лицо полотенцем.

Бабушка сильно испугалась за внучку. На улице началась настоящая гроза с сильными порывами ветра, когда Анастасия Егоровна решила выйти ей навстречу. Она быстро высушила Алису, передела – сама же только накинула на себя сухую шаль – и тут же отвела на кухню пить чай с только что испеченными пирожками. Алиса уже пришла в себя и растаяла от заботы бабушки. Она с удовольствием прихлебывала горячий чай и ела вкуснющие бабушкины пироги.

За окном все так же хлестал дождь, но на душе у Алисы было тепло.

– Звонила мама, – как бы невзначай начала бабушка, но по напрягшейся спине Алисы поняла, что могла бы и умолчать об этом. – Просто хотела узнать, как у тебя дела, спрашивала о какой-то группе по баскетболу.

– Опять, – еле слышно буркнула Алиса. Ее настроение поменялось так же быстро, как погода сегодня из солнечной превратилась в дождливую. – Мне неинтересна эта группа, ба!

– Ну, я сказала, что ты пока отдыхаешь, набираешься сил. Наверное, летом никто не ходит заниматься?

Алиса в ответ промолчала, так как сказать могла слишком многое. Что все-таки есть группы, которые занимаются летом, а если и нет, то мама найдет такие; что за все время мама не звонила ей ни разу и вот, позвонив, спросила только о группе. О группе! Как будто для нее имеют значение только эти дурацкие занятия. Как же Алиса от них устала! Только вздохнула немного и начала жить нормальной жизнью подростка, как звонок матери стал для нее ушатом воды холоднее ливня, под который она сегодня попала. Алисе тут же расхотелось есть – она досадливо поморщилась, промямлила что-то вроде «спасибо» и ушла в свою комнату.

Сердце бабушки сжалось. Только что она видела улыбающуюся и довольную внучку, и вдруг опять набежали тучи – не те, что на улице, нет, – и Алиса опять спряталась глубоко в себя, в защитный панцирь. Бабушка не понимала, что творится на душе у внучки, но чувствовала: что-то не так. Но вот как помочь, она не знала...

***

Сердце заныло от тоски по папе, по его обычному юмору, по походам с ним в кино или простым посиделкам дома у телевизора. У папы все просто... или с папой все просто – Алисе с ним всегда легко и спокойно, ей не надо что-то натужно из себя изображать, чему-то соответствовать. С ним она могла быть самой собой, ничем не прикрываясь и ничего не стесняясь, быть естественной и в хорошем настроении, и в плохом – папа все поймет и лезть не будет. Не будет докучать своими дурацкими наставлениями, как мама, в очередной раз что-то там вычитав в каком-то журнале о воспитании. Папа добрый и чуткий, он ни к чему ее не принуждал, а только баловал.

Но сейчас он был далеко, так далеко, что сердце снова заныло. Алиса никогда еще не чувствовала себя такой одинокой и в который раз в беспомощной тоске посмотрела на молчащий телефон. Она уже не понимала: то ли ей действительно никто не звонил, то ли связь из-за неоплаты совсем отключилась. Она даже не могла попросить папу положить денег на телефон, так как связи не было.

Алиса забеспокоилась, – может, попросить у бабушки денег на телефон? Хотя ее это сильно смущало. Настроения не было никакого, даже выйти из комнаты не хотелось – только лежать, плакать и жалеть себя.

Ей казалось, что хуже ситуации уже не может быть, что жизнь проходит мимо. Тот мальчик уже наверняка ходит в кино и кафе с другой девочкой, мама опять ее запихнет в очередную группу по какому-нибудь виду спорта, а она так никогда и не начнет жить своей жизнью. Алиса чувствовала себя несчастной и брошенной: и поговорить ей тут не с кем, друзей нет, а бабушка... Она такая хорошая, что просто не хочется ее чем-то расстраивать. Алиса даже начала ее называть «ба», – это получилось совершенно спокойно и естественно, она даже не

заметила как, – а бабушка потом весь день просто светила изнутри и все предлагала какие-нибудь вкусняшки.

Как еще побаловать внучку, Анастасия Егоровна не знала: у нее не было возможности растить и баловать ее с малолетства, Алиса приехала к ней уже вполне самостоятельным и взрослым человеком. И, не пройдя вместе с ней этого этапа постепенного взросления, бабушка с трудом понимала, как ей сейчас вести себя с ней, что ей интересно, чем ее занять, что придумать, чтобы развеселить. Вот Галька обещала узнать про кино, да, наверное, забыла – уже неделю не приходит, а пора бы уже.

Словно услышав ее мысли, на пороге появилась Галина, как всегда, с веселой и неутомной болтовней. Но самое главное, она принесла билет на какой-то фильм – бабушка Алисы не разобрала на какой, но, по мнению внуков Галины, это сейчас «круто».

Алиса не ожидала, что бабушка ей подарит билет в кино. Это было так неожиданно и приятно, как будто она получила частичку дома, что-то привычное и радостное, и Алиса бросилась обнимать и целовать свою «ба».

Вечером она поехала на маршрутке в кинотеатр. Бабушка снабдила ее кучей еды, но Алиса даже не сопротивлялась – так ей хотелось поскорее попасть в кино. Конечно, раньше она никогда не ходила на фильмы одна – только с подружками или с родителями, но сейчас ей было наплевать. Даже наоборот, она чувствовала себя вполне самостоятельной, способной делать то, что ей нравится, без обычной компании.

В кинотеатре вкусно пахло попкорном, и народу было не много. Но, попав в знакомую среду сетевых кинотеатров, во вполне привычную обстановку, Алиса все равно чувствовала некоторую неловкость, как будто ее выудили с необитаемого острова и сразу отправили на красную дорожку Каннского фестиваля. Ноги неприятно саднило от укусов комаров, а еще от травы, которой она порезалась, когда бегала по полю с утра. Теперь ей казалась, что эта бурная утренняя радость была какой-то неуместной. Кроме того, у нее не было подходящей обуви для непогоды: кроссовки она успела испачкать в первой же луже, и бабушка передела ее в какие-то тапочки, которым было не менее двадцати лет. От этого всего Алисе было не по себе. И хоть она ехала с радостным предвкушением похода в кино на сагу о вампирах, на которую очень хотела попасть, но теперь немного стеснялась своего вида, и ее воодушевление подугасло.

Она решила не задерживаться в фойе и направилась в зал, чтобы спрятаться от посторонних глаз. Вокруг было много мальчишек и девчонок, все они были модно одеты, и Алиса, у которой было немало стильной одежды дома, пожалела, что почти ничего не взяла с собой к бабушке.

Кассир спокойно взяла ее билет, оторвала часть и вернула назад, пожелав дежурной фразой хорошего просмотра. Позади Алиса слышала голоса ребят, которые тоже пришли на этот фильм, – они возбужденно обсуждали предыдущую часть саги, и Алиса представила, что сейчас она могла бы так же весело болтать с подружками или идти под ручку с тем мальчиком, который ей очень нравится. Но теперь она стоит одна в кинотеатре, который находится за несколько сот километров от дома, и ей не с кем перекинуться шутливыми фразами, не с кем поделиться впечатлениями о своей новой жизни у бабушки – у нее даже нет интернета, чтобы запеленговать свое местоположение и сообщить девчонкам, что она тоже идет на этот фильм. А кроме того, на ней дурацкие тапочки!

И, как в плохом фильме, в этот самый момент неподалеку от кассира у нее разрывается пакет, который ей вручила бабушка, и на глазах всех этих модных ребят из него высыпаются конфетки, пирожки, крекеры – все, что понапихала туда Анастасия Егоровна.

Стыду Алисы не было предела. Она кинулась собирать с пола все, что упало, и как можно скорее, чтобы ребята не заметили этих булок и пирожков.

Каково же было ее удивление, когда вместо смешков и глупых шуточек она услышала, как один из мальчиков предложил ей помощь. Она так растерялась, что ничего не смогла отве-

тять. В ее родном городе казус с вывалившейся из пакета едой сразу стал бы причиной кучи насмешек, полного позора и, как следствие, провального похода в кино, после чего к ней обязательно привязалось бы какое-нибудь прозвище. А тут зеленоглазый мальчик присел рядом с ней и начал помогать, проявив участие и нисколько не смеясь над содержимым пакета. Когда все было сложено, Алиса обнаружила, что другие мальчики и девочки стоят рядом с ними полукругом. Она резко встала, чуть не уронив пакет снова на пол. Мальчик, который ей помогал, очень вовремя придержал ее за локоть.

– Оу-оу-у, осторожней, а то мы не попадем сегодня на этот фильм, – только и сказал он, улыбнувшись.

– Ой, да, извини. Спасибо, что помог, – растерянно ответила Алиса. – Я просто здесь в первый раз, – зачем-то добавила она, чувствуя неловкость.

– Ничего. Меня Костя зовут, а тебя?

– Алиса.

– А нас – Нелли, Андрей, Миша и Катя, – представились тут же другие, дружелюбно и спокойно глядя на Алису. – Пошли уже, а то опоздаем!

И все дружной гурьбой вошли в зал. Костя придержал дверь, когда заходила Алиса, и у той сразу зарделись щеки – хорошо хоть в зале уже было темно.

Зал был полупустым из-за не самого ходового времени сеанса. Где-то через десять минут просмотра рекламы, когда Алиса почувствовала, что ее немного отпускает после всей этой неловкой ситуации и мысли перестают путаться, позволяя ей настроиться на просмотр фильма, кто-то наклонился к ней и прямо в ухо прошептал:

– Идем к нам, место все равно свободное.

Алиса удивленно обернулась, узнав в силуэте нового знакомого, и сердце, только успокоившееся, снова ушло куда-то вниз. На негнущихся ногах она перешла к ребятам, боясь признать самой себе, как рада, что будет сидеть не одна.

– Спасибо, – прошептала она.

Костя что-то проговорил на ухо, но она так и не разобрала что из-за громкой музыки, сопровождавшей титры, а переспрашивать постеснялась, поэтому просто улыбнулась в ответ.

Ребята разделили между собой колу, попкорн, чипсы и незаметно к концу просмотра кино съели все, что положила в пакет бабушка, к их общей радости и к удовольствию Алисы, которая наконец-то преодолела смущение и полностью расслабилась. Теперь она отвечала на их шуточки и обсуждала только что просмотренный фильм наравне со всеми.

Услышав, что она уже собирается на остановку, ребята предложили погулять после кино в парке, который находился рядом.

Алисе очень не хотелось уезжать. Впервые после приезда к бабушке ей не было одиноко; кроме того, ей очень понравились ребята, такие естественные и дружелюбные, не забрасывающие ехидными насмешками, к которым она привыкла у себя в городе. Они были какие-то другие: их шутки были добрые, никто не стеснялся высказывать свое мнение, воспринимая точку зрения другого человека совершенно спокойно.

Алиса замялась:

– Не могу, мне нужно ехать. Бабушка будет переживать, что меня долго нет, – она же знает, во сколько закончился сеанс.

– Может, ты ей позвонишь и отпросишься на часок погулять, еще же светло, – предложила Катя.

– Э-э-э, я не могу позвонить ей, – еще больше замялась Алиса. – Я забыла свой телефон дома.

– Не, я же видел, ты его доставала смотреть время, забыла? – искренне удивился Костя.

– Ой, ребят, ну что вы к ней пристали! Может, она вправду не может с нами гулять. А ты, Костя, тоже заладил: телефон, телефон...

Костя немного расстроено посмотрел на Алису, и та сдалась:

– У меня просто нет денег на телефоне, и я не могу позвонить, вот...

– Ох, ну и проблема! Давай номер, я сейчас тебе кину. – Костя сразу повеселел.

– Ну, я не могу, мне как-то неловко.

– Ты просто не хочешь давать мне номер телефона? – чуточку обиделся парень.

Все ребята смотрели на них, и Алиса почувствовала, что заливается краской.

– Нет, нет, просто я пока не смогу тебе отдать.

– Ой, ладно, давайте сделаем так: скинемся все на мобильник Алисы – ей будет необходимо и возвращать никому ничего не нужно, – разрядила ситуацию Катя.

– Хорошо. – Алиса продиктовала свой телефон Косте, попутно обменявшись номерами со всеми остальными.

Алиса отзвонилась тете Гале, которая обещала забежать к бабушке – как раз собиралась отнести ей новый сорт кустовой розы. Она что-то еще затараторила, но потом ее отвлекли внуки, и бабушкина подруга положила трубку.

Алиса нагулялась с ребятами. Они ели мороженое, смотрели фонтаны и памятники, делали смешные фото и, в конце концов устав, присели на лавочку поболтать. Катя, которая больше всех делала фото, начала скидывать их в общую группу в «Вайбере» на телефоне, куда тут же добавили Алису. У девочки было ощущение, что она всегда знала этих ребят и всегда с ними дружила.

Она и не заметила, как пролетело время, и очень удивилась, когда начало темнеть. Алиса, как Золушка, вскочила с лавки и, на ходу прощаясь, побежала к выходу из парка, в ужасе думая, что скажет бабушка, ведь она наверняка волнуется и отчитает ее.

– Алиса-а-а, ты не в тут сторону, – закричали ребята.

– Костик, иди проводи ее, а то она сейчас добежит до зоопарка, а там совсем заблудится.

Но Костику этого можно было и не говорить. Он и сам уже встал, собираясь отправиться вслед за Алисой.

– Кажется, наш Костик залип, – многозначительно приподняла брови Катя.

– Ага, что ты, нашего Костика не знаешь? Ему никто не нравится – просто он ее пожалел: она из другого города и никого не знает, – возразила Нелька.

– Вот увидишь, что я права: Костик – по уши, – улыбнувшись, заметила Катка. – Вот именно что он еще ни с кем та-а-ак себя не вел.

– А ну хватит болтовню разводить, – прекратил обсуждение Андрей. – Алиса прикольная девчонка, и я буду рад, если она будет в нашей компании.

– Ага, ее как раз не хватало нам для счета, – со смехом резюмировала Катя.

– Ну, я тоже не против, – согласилась Нелли. – Мы можем позвать ее с нами в поход.

– В поход ее бабушка, скорее всего, не отпустит.

– Ну, мы Алисе напишем в группе сегодня, заранее. Может, она уже бывала в походах, и ей эта идея понравится.

– Ладно, тогда давайте по домам, чтоб нас самих отпустили в поход, – сказал Миша, и ребята попрощались, шутливо кусая друг друга, как вампиры.

Как позднее выяснилось, бабушка Алисы вовсе не ругалась, что внучка немного припозднилась, но насчет похода пока ничего не сказала. И в общей группе в «Вайбере» у ребят повисло молчание. Больше всех расстроился Костя.

Поздно вечером довольная Алиса легла спать, но, несмотря на усталость из-за насыщенности этого дня, очень долго не могла заснуть. Она перебирала в голове все сегодняшние события и немного волновалась, когда вспоминала Костика. Особенно как в кинотеатре он что-то шептал ей на ухо, слегка прижавшись к ее щеке, и у Алисы замирало сердце.

Она уснула довольная и абсолютно счастливая уже за полночь, пересмотрев, и не по разу, все сделанные сегодня фотографии и все больше радуясь тому, что живет у бабушки.

***

Анастасия Егоровна, проболтав за чаем полвечера с Галиной, которая сообщила о звонке Алисы, совсем не сердилась, что внучка задерживается. Она была совсем не похожа на свою взбалмошную мать, которая постоянно где-то пропадала и никогда не сообщала где, каждый раз доводя их с отцом чуть ли не до инфаркта.

Алиса была немного замкнута, очень молчалива и серьезна – совсем непохоже было, что она способна на какие-то глупости. Поэтому бабушка Анастасия Егоровна была только рада, что девочка наконец-то развеялась и, может, завела друзей, которых ей явно не хватало.

Но, когда Алиса сказала про поход, бабушка напряглась. Нет, не то чтобы она не доверяла Алисе, которая сразу же вечером все рассказала про ребят, показала их фото. Просто она не была уверена, что имеет право принять такое решение за ее родителей. Она глубоко задумалась и ничего не сказала пока Алисе, которая ничего и не заметила, радостно рассматривая фото.

На следующий день, когда Алиса еще спала, бабушка чуть трясущимися руками набрала номер матери, Елены. Та ответила не сразу – Анастасия Егоровна услышала как минимум пять долгих гудков, после которых уже была готова положить трубку, но наконец-то услышала сонное «алло».

– Елена, это я, – отозвалась Анастасия Егоровна, сама не узнав своего голоса.

Он звучал так, будто их разделяли не только километры расстояния, но целые годы – годы пустоты и горького разочарования, отдалившего их друг от друга окончательно.

– Мама?

– Да, да, – прокашлявшись, более уверенно произнесла Анастасия Егоровна. – Мне нужно с тобой поговорить.

На том конце провода повисла тишина, затем послышался сдавленный голос Елены:

– Все... все хорошо? Я имею в виду, Алиса... – И голос замер.

– Да, все хорошо, но я звоню как раз по поводу Алисы.

– Ты уверена, что с ней все в порядке? – Голос Елены дрожал, предвеля слезы.

– Лена, тебе должно быть виднее, все ли хорошо с ней, если она уехала от вас так далеко. Но со мной у нее все в порядке! – не сдержалась Анастасия Егоровна от колкого замечания.

В трубке в очередной раз повисло молчание, но наконец Елена ответила. Чувствовалось, что она сдерживала накатившие слезы обиды и очень хотела наконец-то увидеть дочь.

– Мама, если ты звонишь поиздеваться надо мной, то ты не по адресу! Я очень скучаю по Алисе, ясно?! Я не могу не вспоминать ее каждый день, каждую минуту и каждую секунду. А ты звонишь и обвиняешь меня в том, что она уехала?! Да, может, ты и права, я где-то виновата, я все поняла, но я люблю Алису!

Она немного помолчала, сглотнув слезы.

– Я хочу ее услышать. Она не берет трубку, телефон у нее все время выключен. Можешь ты ее позвать? – уже спокойно попросила Елена.

– Могу, но она еще спит... если только попозже. Я хотела с тобой обсудить одну ситуацию, вернее, вопрос, – начала Анастасия Егоровна, чтобы не сбиться с основной темы – похода.

Но Елена резко перебила:

– Мама, не надо! Если ты опять начнешь лезть не в свое дело, в наши отношения... Я этого не потерплю! Да, Алиса сейчас там с тобой, и я очень рада, что она не где-нибудь еще. Но наши отношения и все, что у нас происходит, тебя не касается! – Елена резко бросилась в бой, заранее ожидая нападок со стороны матери, ее укоров и неодобрения, как и прежде.

У Анастасии Егоровны онемела рука, которой она держала трубку, и ей вдруг совершенно расхотелось что-либо обсуждать с дочерью.

– Хорошо, – только и сказала она, сильно поджав губы, и положила трубку.

Анастасия Егоровна не стала в этот раз плакать, вспомнив, скольких сил ей стоило прийти в себя после предыдущего разговора с дочкой, которая каждым словом ранила ее глубоко в сердце.

За что? Чем она заслужила такое отношение, такую ненависть? Они растили ее с такой любовью и заботой, которую только могли дать. Да, время было тяжелое, им многого не хватало, они не все могли ей дать. Оба с мужем много работали. Но в те времена у всех так было: все только на благо Отечества, и о том, чтобы подольше посидеть в декрете, например, даже речи не шло. Потом они тоже много работали с мужем, а дочь постепенно росла и менялась, и, как им казалось, не в лучшую сторону.

Анастасия Егоровна, требовательная к себе и к окружающим, еще большую строгость проявляла в воспитании дочери, думая, что таким образом вырастит хорошего человека, не позволит росткам порочных наклонностей и эгоизма, которые она наблюдала у детей подруг, пробиться у Елены. Но чем старше, тем более упрямой и неуправляемой та становилась.казалось, она поступала наперекор, в противовес всему, чему ее учила и что в ней воспитывала мать, делая все наоборот. Анастасия Егоровна давно потеряла общий язык с дочерью, они друг друга не понимали, и все их общение сводилось к обоюдным нападкам и обвинениям. Чем жестче были требования матери, тем ярче проявляла свой бунтарский характер Елена. Отец всегда занимал примирительную позицию, с ним дочь вела себя вполне адекватно и даже почитательно. Но теперь его нет, и Анастасия Егоровна не знала, что ей делать.

Чтобы не расстраиваться и не ходить с опухшими глазами весь день, она решила занять себя делами и принялась рьяно очищать все пригорелые сковороды, доводить до блеска чайник и прочую кухонную утварь. Жаль только, что голова при этом все равно оставалась свободной для всяких непрошенных мыслей, которые ее беспокоили.

К тому моменту, как Алиса проснулась, у Анастасии Егоровны все блестело на кухне, а на столе уже ждали свежесваренный чай и теплые блинчики. И конечно, бабушка ни словом не обмолвилась о звонке матери и о том, что она хотела поговорить с Алисой.

***

...Время шло, Алиса все хорошела, щеки от свежего воздуха порозовели, и сама она как-то вся приободрилась.

Прошла неделя после похода в кино, и сегодня вечером она снова собиралась в город встретиться и погулять с ребятами. А с утра решила пойти на озеро искупаться: погода установилась жаркая, была уже середина лета.

Алиса снова залюбовалась видом полей и леса и на этот раз решила собрать цветы на обратном пути, возвращаясь домой. Настроение было отличное. Взяв с собой плед и полотенце, Алиса шагала по знакомой дорожке и весело напевала песню. Мимо проехала компания велосипедистов лет на пять помладше Алисы.

Когда она дошла до берега, те уже весело резвились в воде. Алиса недолго думая тоже бросилась в озеро. Как давно она не купалась в обычном природном водоеме! Она очень хорошо плавала, так как мама водила ее в бассейн чуть ли не с малолетства, и вода была для Алисы родной стихией. Радостно отдавшись прохладным потокам и сразу ощутив легкость тела, она спокойно поплыла вдоль берега, привычно совершая размашистые движения и ритмично дыша.

Алиса накупалась и пошла сохнуть на солнышке. Недалеко от ребят, которые приехали на велосипеде, отдыхала молодая пара. Алиса, взглянув на юных велосипедистов, удивилась: как это местные отпускают детей купаться одних, без взрослых?

Им уже давно было пора выходить из воды. Несмотря на жаркие денечки, озеро еще не совсем прогрелось, к тому же половина его всегда оставалась в тени, прикрытая от солнца деревьями.

Ребята дурачились и веселились, визжали как сумасшедшие, и Алиса подумала: надо было отправиться на озеро еще раньше, чтоб можно было покупаться одной, без их криков.

Алиса надела наушники, чтобы не слышать визгов малышни. Потом пофотографировала немного озеро на телефон, собираясь переслать снимки в группу ее новых друзей в «Вайбере». Она почему-то совсем не удивилась практически полному отсутствию СМС-сообщений. Хотя у нее наконец-то подключился интернет и стала доступна связь, подруги из города, видимо, быстро позабыли ее, как-то сразу вычеркнув из своей жизни и перестав сообщать ей новости только потому, что она сейчас не рядом с ними.

Алиса не обижалась, но и сама ничего не писала подругам. Она не стала делиться тем, что ходила в кино на сагу о вампирах, не рассказала о новых друзьях. Теперь ее занимала только переписка в этой новой группе – она не признавалась даже самой себе, что не просто так перестала вспоминать того темненького старшеклассника из школы и жалеть, что не ходила с ним в кино.

Алиса уже было решила, что можно пойти еще искупаться, когда, сняв наушники, поняла, что слышит уже не те визги, что раньше. Кто-то кричит: «Помогите!» Как в замедленной съемке, она переводит взгляд на озеро и видит расходящиеся пузыри на середине.

Сознание работает заторможенно, и все происходит очень медленно. Как во сне, она видит себя со стороны, делает все на автомате. Вот в три прыжка она уже в воде, за несколько бросков – рядом с барахтающимся и кричащим мальчуганом, отмечает его синие губы и раскрытые от ужаса глаза. Какой-то статист в ее голове фиксирует возглас: «Чтобы все живо вышли из воды!» Потом она набирает полную грудь воздуха и ныряет так глубоко, как ее учили. Только теперь это уже не учеба. Вода проникает ей в ноздри, но она умеет задерживать дыхание. Смотрит по сторонам, погружаясь все глубже: один метр, два, два с половиной, три... Она ничего не видит: вода очень мутная, это не бассейн, в котором она училась плавать и в котором абсолютно уверенно совершает все возможные трюки. Здесь реальная жизнь, и рядом с ней тот, кого нужно спасти.

Когда ее потом спросят, что она чувствовала или думала в тот момент, понимала ли, что бросилась спасать человека, она затруднится ответить. Тогда ее мозг не поспевал за ее действиями, которые совершались в течение долей секунд, в то время как сознание осталось как у наблюдателя.

Алиса делает еще пару вращательных движений в воде, шарит руками по дну, уже ничего не разбирая вокруг, только медленно осознавая, что ей пора всплывать – ей нужен воздух. Она не рассчитывала на столь длительное погружение, к тому же из-за длительной простуды не тренировалась с апреля.

Еще секунда, другая, третья – все, надо всплывать, она больше не может задерживать дыхание, иначе сама утонет, рефлекторно заглотив воды. И тут ее ладонь натывается на что-то. На что? Это не водоросли, не мусор. Рука, рука утопающего! Она из последних сил делает толчок, хватает руку ребенка и изо всех сил выталкивает их обоих на поверхность озера.

Она не помнит, что было дальше. Стресс поглотил и вычеркнул из сознания последние минуты борьбы: как она вынырнула с ребенком, как выталкивала его над собой, как кто-то подхватил их обоих и выволок на берег. Она не может отдышаться, прикрытые веки неожиданно отяжелели, на тело навалилась смертельная усталость. Из последних сил она старается приоткрыть саднящие от воды глаза и посмотреть, что с мальчиком.

Над ним склонился тот самый молодой человек, который отдыхал с девушкой. Он делает ребенку искусственное дыхание, а потом резко переворачивает его на бок. Значит, все было не напрасно. Алиса разрешает себе закрыть глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.